

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.7>

УДК 94(430)(085)

ББК 63.3(4Гем)611

ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Евдокимова Татьяна Васильевна

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
eva_tan@mail.ru
просп. им. В.И. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается влияние итогов Первой мировой войны, связанных с поражением Германии в войне и провозглашением германской республики, на первоначальном этапе трансформации бывшей кайзеровской армии в рейхсвер. Показана попытка веймарских политиков поставить армию под парламентско-президентский контроль и стремление военного руководства отстоять аполитичность армии.

Ключевые слова: Первая мировая война, кайзеровская армия, рейхсвер, Веймарская республика, Версальский договор, Веймарская конституция, временный рейхсвер.

В современной отечественной историографии изучение истории рейхсвера практически только началось, что во многом было обусловлено секретным сотрудничеством РККА и рейхсвера в годы Веймарской республики. Однако для историка германская армия этого времени представляет непосредственный интерес, так как фундамент германского вермахта был заложен рейхсвером. За период 1919–1933 гг. в силу ряда причин германская армия пережила значительные изменения. Предметом данной статьи является рассмотрение влияния итогов Первой мировой войны на трансформацию германской армии в 1918–1921 годы.

Первая мировая война, в первую очередь, кардинально изменила структуры и уровни взаимоотношений между Генеральным штабом и его сотрудниками, с одной стороны, и рейхсверминистерством, правительством и местной администрацией – с другой [6]. Если при Бисмарке исключалось какое-либо вмешательство военных в главные политические решения и единственной точкой соприкосновения между военным командованием армии

и политическим руководством был кайзер, то при Вильгельме II произошла эрозия прусско-военной традиции. В годы войны это особенно проявилось в борьбе за лидирующие позиции в осуществлении государственной политики. Конкуренция между политическим и военным руководством за власть привела к допуску Вильгельмом II представителей ОХЛ (Oberste Heeresleitung – Верховное командование) к управлению государством, что знаменовало усиление политических позиций военных в отношении гражданского населения. Они участвовали в формировании первого в истории германского государства правительства Макса Баденского, ответственного перед парламентом [9, с. 359]. Участие военных в политической власти в годы Первой мировой войны являлось реализацией традиционных намерений офицерского корпуса Германии быть не только профессиональной военной элитой, но одновременно представлять собой социально-политическую элиту.

Когда 9 ноября 1918 г. Германия была провозглашена республикой, для военных это, в отличие от простых граждан, означало не-

что большее, чем простую смену государственного строя, персональное, интеллектуальное и профессиональное ядро которого неожиданно исчезло. Падение монархии, отречение императора и всех других королей и принцев от престола – все эти бедствия ошеломили громадные пласты народа. «И никто не пострадал больше, чем офицеры. Они оказались в замешательстве, в смятении, как пчелиный рой, лишившийся матки» [2, с. 189]. Для многих офицеров, прежде всего для тех, кто считал себя наследниками прусских военных традиций, это означало полный крах и утрату смысла жизни. Прежняя армия была плоть от плоти «императорской», вся ее деятельность была неразрывно связана с личностью монарха. Верность и преданность императору, основанные на присяге, выходили за рамки политики и имели под собой этические основы.

Для армии именно император, а не какой-то абстрактный «народ» или «государство», был «точкой кристаллизации» ее верноподданнических чувств. В среде военных никогда не употреблялось выражение «государственная служба», речь могла идти исключительно о «службе императору». При этом не имело никакого значения личное отношение того или иного солдата к личности конкретного монарха. По мнению генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, германская армия служила не Вильгельму Второму, а «Императору» [7, с. 23].

На смену имперской идее в сознании тогдашней армии пришли не «государство», не «народ» (и тем более не какая-то партия), а абстрактное понятие «рейха», которое объединило в себе народ и государство как нечто достойное поддержки и защиты. В этом проявилась сущность немецкого национального характера [1, с. 165]. В любой другой стране армия в аналогичной ситуации скорее всего осталась бы монархической или стала бы республиканской. В Германии с ее многовековыми традициями военного строительства невозможно было за короткий срок стать республиканцем. Вместе с тем присущее немецкому солдату представление о воинском долге не позволяло ему вступать в борьбу с новым, пусть даже и не совсем устраивающим его государством. В понятии «рейх», олицетворявшем имперскую идею как таковую и не зависящем от конкретного государственного строя,

были одновременно заключены предпосылки более поздней позиции армии по отношению к режиму Адольфа Гитлера.

На следующий день после провозглашения республики был заключен союз между Советом Народных Уполномоченных (революционной властью) и военными, так называемый пакт Эберта-Гренера, согласно которому правительство брало на себя обязательство спасти страну от анархии, установить порядок, помогать руководству армии во всем необходимом, а то, в свою очередь, сохраняло дисциплину в войсках, возвращая их на родину [5, с. 269]. Таким образом, перед немецкими солдатами была поставлена новая задача: защита рейха не только от внешней угрозы, но и от попыток внутренних врагов нарушить статус-кво, будь то левые с их призывами к государственному перевороту или сепаратисты различного толка. Отныне армия была призвана по мере возможности заменить собой ту силу, которая при монархическом режиме обеспечивала целостность государства. Впервые перед германской армией была поставлена задача поддержания порядка в государстве.

После данного шага германское командование отошло от участия в подписании Компьенского перемирия и Версальского договора, дав эту возможность представителям новой власти, которые в свое время были авторами так называемой мирной резолюции от 19 июля 1917 г., призывавшей к миру, где «царят взаимопонимание и примирение» [5, с. 258]. Тем самым Генеральный штаб снял с себя ответственность за поражение в войне и переложил ее на гражданских лиц: М. Эрцбергер (ПСД), Г. Мюллер (СДПГ), Й. Бель (ГДП). Одновременно появился миф об «ударе кинжала в спину», согласно которому основная ответственность за поражение Германии была переложена на политиков левого крыла – социал-демократов, представителей партии Центра [3].

После начавшейся революции внутривойсковая обстановка в рейхе, и прежде всего в Берлине, стала еще более напряженной. Тяжелые бои вернувшейся с фронта гвардейской кавалерийско-стрелковой дивизии со «спартаковцами» и ряд других столкновений подобного рода, произошедших за короткое время, продемонстрировали, насколько непрочными были еще позиции правительства

Совета народных уполномоченных во главе с Ф. Эбертом. Измотанная и ослабленная в боях армия, для которой вполне естественным являлось стремление многих солдат как можно скорее вернуться домой, оказалась не в состоянии эффективно защищать новое правительство, которое к тому же почти не пользовалось симпатиями в армейской среде.

Председатель правительства СНУ, будущий президент Германии Ф. Эберт, поддержал предложение майора фон Шлейхера отказаться от попыток сохранить выведенные с фронта части и соединения и приступить к формированию на их базе добровольческих частей. При этом он учитывал опасность свержения правительства сторонниками леворадикальных сил и непригодность старой армии для защиты правительства в условиях деятельности образованного Центрального совета солдатских депутатов. В дальнейшем добровольческие соединения были использованы также и для обеспечения заседаний Национального собрания в Веймаре. Однако правительство не могло полагаться на добровольческие формирования в течение длительного времени: некоторые из «фрейкоров» в той или иной мере превратились в сборища ландскнехтов, представлявших угрозу для государственной власти (например, через год во время путча Каппа-Лютвица).

После начала революции в офицерском корпусе начались острые дискуссии относительно перспектив его дальнейшего участия в политических событиях. В связи с этим можно выделить три точки зрения на данную проблему и, соответственно, офицеров трех формаций.

К первой относились многочисленные монархисты под руководством генерала В. Лютвица, которые стремились реставрировать династию Гогенцоллернов. Им противостояли два направления прагматиков, готовых к ограниченной кооперации с республикой: «левое крыло», признававшее существующую государственную форму, возглавляли генерал В. Рейнхард и генерал В. Гренер; «правое» – генерал Г. Сект, представлявший сторонников авторитарного режима и ревизии послевоенного порядка. Особую группу составляли юные офицеры, которые ориентировались на нечто «новое»: ни монархии, ни демократии. В буду-

щем их надежды будут связаны с нацистами (В. Бломберг, К. Штюльпнагель и др.).

16 и 20 декабря, фактически через месяц после начала революции, военная элита на своем заседании в здании Генерального штаба на Кенигсплатц в Берлине четко обозначила свою главную задачу – восстановить положение Германии в качестве великой державы [10]. Различия проявились в представлениях о власти, которая необходима для осуществления этой ревизионистской политики: развитие государственной системы определяется, в первую очередь, военно-политическими факторами (Г. Сект) или комплексом факторов, среди которых значительную роль играет экономика (К. Шлейхер). Офицерский корпус чувствовал себя достаточно уверенно: в провозглашенной республике отсутствовал политический институт, который осуществлял бы конституционный контроль над армейским командованием. Верховное командование сохранило свои позиции, так как только через него правительство могло воздействовать на вооруженные силы (Верховное командование будет распущено 3 июля 1919 г.).

6 марта 1919 г. после многодневных дебатов в Национальном собрании был издан закон об образовании «временного рейхсвера», который просуществовал до 1921 года. В нем больше не говорилось о солдатских советах, и более того, регуляции, сопровождавшие закон, содержали элементы более поздней структуры рейхсвера. «Временный рейхсвер» состоял из 24 бригад общей численностью около 400 тысяч человек, которую предстояло сократить до 100 тысяч человек и сформировать из них 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. Решение этой задачи было связано с большими трудностями для командования сухопутных войск и сопровождалось недовольством военнослужащих, подлежавших в связи с этим демобилизации. Существовали добровольческие части, порядок и дисциплина в которых основывались на личной преданности солдат своим командирам и на принципе круговой поруки. Добровольцы полагали, что в благодарность за их участие в защите правительства, а также в противодействии польским повстанцам и в отражении большевистской угрозы с востока их части следовало бы в полном составе включить во

вновь формируемую армию. Вместе с тем было очевидно, что по крайней мере часть «фрейкоров» не отвечала представлениям об армии как об инструменте государственного руководства, предназначенном для решения исключительно военных задач. Значительная часть кадровых офицеров, увольнение которых со службы становилось неизбежным, в этом случае оставались фактически без средств к существованию. Перспективы их трудоустройства в гражданском секторе были весьма проблематичными ввиду тяжелого положения в экономике и нежелания многих предпринимателей и руководителей государственных учреждений принимать на работу бывших офицеров. К тому же уход из армии был тяжелым испытанием для людей, целиком и полностью посвятивших себя военной службе.

Дальнейшее воссоздание рейхсвера в Германии ставила под сомнение пятая часть Версальского договора [5, с. 280–283]. Все военные статьи, тщательно проработанные специалистами, были направлены против возрождения военной мощи Германии в будущем. Например, Германии предписывалось «ликвидировать германский Генеральный штаб и закрыть все военные академии». Определялась численность германской армии. Согласно статье 160 «общий численный состав армии государств, образующих Германию, не должен превышать 100 000 человек, включая офицеров и нестроевых, и будет исключительно предназначен для поддержания на территории порядка и для пограничной полиции. Общий численный состав офицеров, включая персонал штабов, каково бы ни было их построение, не должен будет превышать четырех тысяч». Эта же статья определяла состав армии: «Самое позднее, с 31 марта 1920 г., германская армия не должна будет насчитывать более семи дивизий пехоты и трех дивизий кавалерии». Запрещалось наличие танков и броневиков, производство отравляющих газов, а также импорт любых боеприпасов. Согласно ст. 175 армию Германии предписывалось формировать только на добровольно-профессиональной основе со сроком службы 12 лет для солдат и 25 – для офицеров, с выходом всех в отставку, без всякого увольнения в запас. Призыв на военную службу запрещался, как и создание любых ветеранских организаций. Статья 160 предписывала

ропуск германского Главного генерального штаба и всяких иных подобных формирований. Статья 173 подчеркивала, что «всякого рода обязательная всеобщая военная служба будет отменена в Германии. Германская армия может строиться и комплектоваться только путем добровольного найма» [5, с. 282].

Таким образом, предполагалось навсегда исключить создание мобилизационных резервов в Германии. В сущности, Версальский договор официально лишил Германию ее политических и военных позиций передовой державы. Германия осталась без армии, флота и авиации.

Одним из тех, кто склонил правительство к решению подписать договор в Версале, был генерал Гренер, который в своем экспертном заключении привел сведения о численности германских войск и степени обеспеченности их оружием и боеприпасами, свидетельствовавшие о полной невозможности длительного противодействия иностранной агрессии.

Тем временем социал-демократы начали процесс оформления новой власти, заняв в феврале 1919 г. ключевые посты в государстве – рейхспрезидента, рейхсканцлера, а также и рейхсверсминистра.

В соответствии с Веймарской конституцией (11 августа 1919 г.) рейхсверсминистры Веймарской республики представляли собой часть управленческого аппарата правящей политической элиты. Правовой статус рейхсверсминистра, согласно Веймарской конституции и закону о воинской повинности, отличался существенным своеобразием. Рейхсверсминистр входил в состав рейхскабинета, ответственного перед парламентом (ст. 56). Рейхспрезидент имел право назначать и увольнять рейхсканцлера и рейхсминистров (ст. 53). Рейхсверсминистр, как глава ведомства высшего административного учреждения вооруженных сил, находился в ведении рейхсканцлера, определявшего руководящую линию, и являлся главным начальником для служащих, находившихся в военном министерстве. Однако рейхсверсминистерство функционировало не только как управленческое учреждение, но и командное. В силу предоставленного рейхсверсминистру рейхспрезидентом права он выполнял функцию главного военачальника, занимавшего промежуточное положение между рейхспрезидентом и военными институтами (разд. 1, параграф 8)

[11, S. 203]. В отношении рейхспрезидента он находился в двойственном положении, так как рейхспрезидент являлся одновременно главой государства и верховным главнокомандующим. Согласно ст. 47 Веймарской конституции рейхспрезиденту принадлежало право верховного командования над всеми вооруженными силами рейха. Поэтому, с одной стороны, рейхсверминистр, обладая правом второй подписи (ст. 50), был обязан визировать все акты рейхспрезидента в военной сфере, беря на себя ответственность [ibid., S. 159–160]. Но, с другой стороны, рейхспрезидент как верховный главнокомандующий мог давать подчиненному рейхсверминистру в командных вопросах отдельные указания. Если рейхсверминистр с ним соглашался, он их выполнял. Должность рейхсверминистра совмещала ранее, казалось, несовместимые сферы деятельности: армию (рейхсвер) и государственную власть в лице одного рейхсминистра.

Веймарская конституция стремилась таким образом обеспечить примат политики над армией и осуществлять президентско-парламентский контроль над вооруженными силами и военно-политическим руководством. Это во многом объяснялось той ролью, которую прежде играла кайзеровская армия, и теми обстоятельствами, в которые была поставлена Германия в результате поражения в Первой мировой войне.

Во главе рейхсверминистерства встал социал-демократ Густав Носке, депутат рейхстага в кайзеровской Германии, специалист по военной и колониальной проблематике, то есть гражданское, а не военное лицо. Главное внимание он уделял реформированию армии, базировавшемуся на однозначном подчинении военного руководства политическому. Однако эксперимент по демократизации армии закончился неудачей. Выборность командиров, отмена знаков различий и т. п. («гамбургские тезисы») не способствовали установлению необходимой армейской дисциплины и повиновению. Носке с горечью потом заявил, что в рядах СДПГ вряд ли найдутся добровольцы, готовые защитить республику от внутренних врагов.

Правительство же нуждалось в боеспособных войсках, готовых его защитить и повысить его авторитет. Не обладая опытом в военной политике, республиканское руковод-

ство было вынуждено обратиться к солдатам и офицерам кайзеровской армии. При поддержке нового командующего войсками В. Рейнхарда (1919–1920) удалось создать основы унитарной армии, которая объединила ранее отдельные армии Пруссии, Баварии, Саксонии, Вюртемберга. В соответствии с приказом рейхспрезидента от 20 августа 1919 г. военная администрация изымалась из ведения военных министров земель и передавалась рейхсверминистерству. 30 сентября 1919 г. прусский министр Рейнхард расформировал части прусской армии и перевел их в состав рейхсвера.

Кайзеровский офицерский корпус не принял республиканского руководителя и создал «группу давления» во главе с профессионалами, выдвинув собственную политическую программу для защиты своей гомогенности. После путча Каппа-Лютвица в марте 1920 г. Носке сделали «козлом отпущения». Кто-то должен был нести ответственность за попытку государственного переворота, и Г. Носке отправили в отставку как рейхсверминистра, не сумевшего отвести опасность от республики [13].

Путч Каппа-Лютвица [8] был первым случаем в истории германско-пруссских сухопутных войск, когда генералы вместе с подчиненными им частями и соединениями и в союзе с определенными политиками посягнули на авторитет государственной власти. Путч в Берлине впервые поставил вопрос о политической роли армии [4, с. 270], что не только в корне противоречило традициям немецкой армии, но и грозило подорвать ее авторитет в народе. Согласно прусским военным традициям для солдата существовало одно абсолютное табу: он никогда не должен вставать на сторону той или иной политической силы и тем более не имеет права становиться инструментом в ее руках. До сих пор народ представлял себе армию исключительно в роли надежной защитницы родины от внешних врагов и главной опоры государства.

С отставкой Носке закончился путь интеграции армии в государство; армия и социал-демократия удалились друг от друга. Новым военным рейхсминистром стал Отто Гесслер, юрист по образованию, один из основателей ГДП. Перестройка рейхсвера была поручена генералу Г. фон Секту.

После назначения на пост командующего сухопутными вооруженными силами Сект направил основные усилия на создание основ будущей армии. Капповский путч побудил генерала Секта издать приказ от 18 апреля 1920 г. об обязанности военнослужащих рейхсвера придерживаться политического нейтралитета и с почтением относиться к Веймарской конституции. Солдат должен быть «предан конституционному долгу», в противном случае «ему нет места в армии», гласил указ [11, S. 198–199]. 7 августа 1920 г. появился приказ о разоружении населения, роспуске отрядов гражданской самообороны, 21 августа 1920 г. – закон о ликвидации всеобщей воинской повинности [ibid., S. 100–200]. Для создания новой армии большое значение имел Указ Секта об основах воспитания армии от 1 января 1921 г. и Закон о воинской повинности 23 марта 1921 года. Последний регулировал структуру и командные отношения в рейхсвере, а также права и обязанности солдат [ibid., S. 202–204]. Личный состав рейхсвера вербовался по найму со сроком службы для офицеров – 25 лет, унтер-офицеров и рядовых – 12 лет.

Г. фон Сект пытался реализовать традиционные двойные притязания офицерского корпуса – стать военно-профессиональной и политико-социальной элитой в составе «фюрунгсгруппен» («руководящих сил») [12]. По мнению Секта, офицерский корпус рейхсвера должен был ориентироваться на абстрактные государственные идеалы, не связанные с республиканской формой власти; оставаться преданными исключительно армии. Предложенный метод на этапе политико-государственного кризиса защищал когерентность армии, выражал притязания армии на автономию от парламентской государственной формы, что в условиях социальной и политической поляризации Веймарской республики и политического плюрализма не способствовало разрешению проблемы интеграции и легитимизации. Сект рассматривал вопрос власти исключительно через категорию военной силы, что объяснялось прусско-германскими традициями. Гарантией национальной безопасности он считал исключительно военно-политические средства, то есть рассматривал войну как главный метод германской ревизионистской политики. В планы восстановления армии Германии входило образова-

ние вместо 7 допущенных дивизий 21 дивизии. С 1921 г. Сект усиленно развивал концепцию «войны за реванш» как главного средства «устранения французской Версальской системы». Предполагалось, что Польша должна исчезнуть с географической карты в силу своей внутренней слабости и с помощью советской России. Именно при Секте стали развиваться тайные военные связи между рейхсвером и Красной армией [14].

Итак, главным результатом трансформации германской армии 1918–1921 гг. (на этапе окончания Первой мировой войны и существования «временного рейхсвера») явилось создание рейхсвера, германской армии нового образца, в которой на смену старым прусским военным традициям (прежде всего принципу «дистанцирования» армии от политики) приходили новые законодательные и политические реалии, ставившие вопрос о неизбежности взаимоотношений армии и государства. Проблема политической роли германской армии будет являться одной из основных вплоть до 1933 года. Версальский мирный договор и Веймарская конституция выдвинули задачу превращения германской армии в составную часть госаппарата, терявшую свою аполитичность; способствовали появлению рейхсвер-министра и поста рейхсверминистра, совмещавшего в одном лице представительство армии и государственной власти; формированию единой общегерманской профессиональной армии; поиску военных союзников в результате ограничения вооружений и средств на развитие вооружений. При этом руководство армии пыталось отстоять старые военные прусские традиции в условиях германского государства, назвавшего себя рейхом, а веймарские политики стремились поставить армию под парламентско-президентский контроль. На позднем этапе существования Веймарской республики в армии появятся политические генералы, а важные государственные посты займут представители генералитета. Но исход соотношения сил уже на этапе развития «временного рейхсвера», когда реальная власть в армии оказалась в руках командующего сухопутными войсками, а не рейхспрезидента и рейхсверминистра, во многом предопределил силу консервативной военной элиты в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винклер, Х. А. Расставание с особыми путями: итоги и перспективы / Х. А. Винклер // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 158–179.
2. Деметр, К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945 / К. Деметр. – М. : Центрполиграф, 2007. – 383 с.
3. Драбкин, Я. С. Проблемы и легенды в историографии германской революции 1918–1919 гг. / Я. С. Драбкин. – М. : Наука, 1990. – 278 с.
4. Ерин, М. Е. На грани гражданской войны: путч Каппа-Лютвица и его последствия / М. Е. Ерин // Альманах германской истории. Вып. 1. – М. : ЛЕНАНД, 2013. – С. 262–277.
5. История Германии. В 3 т. Т. 3. Документы и материалы / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – 544 с.
6. Ланник, Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии / Л. В. Ланник. – Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2012. – 536 с.
7. Манштейн, Э. Из жизни солдата / Э. Манштейн. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 320 с.
8. Панкевич, Ф. И. Капповский путч в Германии / Ф. И. Панкевич. – М. : Наука, 1972. – 195 с.
9. Патрушев, А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий / А. И. Патрушев. – М. : Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2007. – 708 с.
10. Die deutschen Eliten und der Weg in den zweiten Weltkrieg / hrsg. v. M. Broszat, K. Schwabe. – München : Beck, 1989. – 443 S.
11. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Deutsche Verfassungsdokumente 1918–1933 / hrsg. von E. R. Huber. – Stuttgart ; Berlin ; Köln : Kohlhammer, 1992. – Bd. 4. – 682 S.
12. Guske, C. Das politische Denken des Generals von Seeckt / C. Guske. – Lübeck : Paperback, 1971. – 283 S.
13. Noske, G. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution / G. Noske. – Berlin : Verlag für Politik und Wirtschaft, 1920. – 210 S.
14. Zeidler, M. Reichswehr und Rote Armee. 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit / M. Zeidler. – München : Oldenbourg Verlag, 1993. – 375 S.

REFERENCES

1. Vinkler Kh.A. Rasstavanie s osobymi putyami: itogi i perspektivy [Farewell to Special Ways: Results and Prospects]. *Rossiya i Germaniya. Obshchestvo i gosudarstvo: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya* [Russia

and Germany. Society and State: Historical Experience of Interaction]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 158-179.

2. Demetr K. *Germaniskiy ofitserskiy korpus v obshchestve i gosudarstve. 1650-1945* [German Officer Corps in Society and State. 1650-1945]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 383 p.

3. Drabkin Ya.S. *Problemy i legendy v istoriografii germanskoy revolyutsii 1918-1919 gg.* [Problems and Legends in a Historiography of the German Revolution of 1918-1919]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 278 p.

4. Erin M.E. Na grani grazhdanskoy voyny: putch Kappa-Lyutvitsa i ego posledstviya [On the Edge of Civil War: Kapp-Putsch and Its Consequences]. *Almanakh germanskoy istorii. Vypusk 1.* [Almanac of the German History. Issue 1]. Moscow, LENAND Publ., 2013, pp. 262-277.

5. Bonvech B., Galaktionov Yu.V., eds. *Istoriya Germanii. V 3 t. T. 3. Dokumenty i materialy* [History of Germany. In 3 vols. Vol. 3. Documents and Materials]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2005. 544 p.

6. Lannik L.V. *Germanskaya voennaya elita perioda Velikoy voyny i revolyutsii i "russkiy sled" v ee razvitiy* [German Military Elite of the Period of Great War and Revolution and "the Russian Trace" in Its Development]. Saratov, Saratovskiy gosudarstvenny tekhnicheskii universitet Publ., 2012. 536 p.

7. Manshteyn E. *Iz zhizni soldata.* [From a Soldier's Life]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2000. 320 p.

8. Pankevich F.I. *Kappovskiy putch v Germanii* [Kapp-Putsch in Germany]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 195 p.

9. Patrushev A.I. *Germanskaya istoriya: cherez ternii dvukh tysyacheletiy* [German History: Through Thorns of Two Millennia]. Moscow, Izd. dom Mezhdunarodnogo universita v Moskve, 2007. 708 p.

10. Broszat M., Schwabe K., eds. *Die deutschen Eliten und der Weg in den zweiten Weltkrieg* [The German Elite and the Way in World War II]. München, Beck, 1989. 443 p.

11. Huber E.R., ed. *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Deutsche Verfassungs-dokumente 1918-1933* [Documents on German Constitutional History. German Constitutional Documents 1918-1933]. Stuttgart, Berlin, Köln, Kohlhammer, 1992. vol. 4. 682 p.

12. Guske C. *Das politische Denken des Generals von Seeckt* [The Political Thought of General von Seeckt]. Lübeck, Paperback, 1971. 283 p.

13. Noske G. *Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution* [From Kiel to Kapp. The History of the German Revolution]. Berlin, Verlag für Politik und Wirtschaft, 1920. 210 p.

14. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee. 1920-1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* [Reichswehr and the Red Army. 1920-1933: Strategies and Stations an Unusual Collaboration]. München, Oldenbourg Verlag, 1993. 375 p.

IMPACT OF THE FIRST WORLD WAR ON THE TRANSFORMATION OF GERMAN ARMY

Evdokimova Tatyana Vasilyevna

Doctor of Sciences (History), Professor, Department of General History,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
eva_tan@mail.ru
Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Germany's defeat in World War I and proclamation of the first German republic significantly influenced the change of the role of the army in the German state. At the stage of reorganization of the Kaiser's army into the Reichswehr (1918-1921) the main result of this transformation became the creation of a new model of the German Army in which the principle of "distancing" the army from politics was replaced by new legislative and political realities that raised the question of inevitability of relationship between the army and the state. The Versailles Treaty and the Weimar constitution put forward the task of turning the German army into integral part of the state apparatus which led to losing its apoliticality. They also contributed to the emergence of Reich Ministry and the post of Reich Minister combined in one person the representative of the army and the state power. Besides, they helped to form a united German professional army and provided joint search of allies in the field of armaments by politicians and military men. The army tried to defend the old Prussian military traditions in terms of the German State called itself the Reich, and Weimar politicians sought to put the army under a parliamentary-presidential control. At the later stage of the Weimar Republic political generals will appear in the army, and important government positions will be taken by the representatives of the Generalitat. But the outcome of the force balance already at the stage of development of the temporary Reichswehr, when the real power in the army was in hands of the commander of the ground forces, and not of the Reich President and Reich Minister largely predetermined the strength of the conservative military elite in the future.

Key words: World War I, Kaiser's army, Reichswehr, Weimar Republic, Versailles Treaty, Weimar constitution, temporary Reichswehr.